

Н.Ф. Бугай

д-р ист. наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса,
главный научный сотрудник,
Институт российской истории РАН

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР:
ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ И БАЛКАРЦЕВ – 70 ЛЕТ**

Настоящий проект подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2: Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – член-корр. РАН Е.И. Пивовар, д-р ист. наук Ю.А. Петров)

Аннотация. В статье на богатом историческом материале обращено особое внимание анализу проблемы принудительных переселений народов в Союзе ССР, частичную его реабилитацию, нарушение прав граждан, попрание Конституции страны. На примере общности чеченцев, ингушей, балкарцев – жителей Северного Кавказа, показан процесс проведения подобной политики, обращено внимание на правовую сторону проблемы, территориальное обустройство, определены теоретические аспекты проблемы и рассматривается их трактовка отдельными авторами. Вывод однозначный: подобная политика мало, что приносила народам, кроме как раздоры, нарушение принципов совместного проживания, трудности выхода из кризисных ситуаций. Все это противоречит цивилизованному обустройству жизни, созданию условий для комфортного проживания на территории страны.

Ключевые слова: переселение, депортация, опыт, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, карачаевцы, реабилитация, расселение, коренизация, общности, Союз Советских Социалистических Республик.

N.F. Bugay. Institute of Russian history RAS

THE REGIONAL FACTOR IN THE HISTORY OF THE PEOPLES OF THE USSR: THE INVOLUNTARY RESETTLEMENT OF CHECHENS, INGUSH AND BALKARS – 70 YEARS

Abstract. In the article on the rich historical material drawn special attention to the analysis of the problem of forced migrations in the Union of the USSR, partial rehabilitation of the violation of rights, trampling on the Constitution of the country. For example, the generality of the Chechens, Ingush, Balkars – residents of the Northern Caucasus, shows the process of following such a policy, attention is drawn to the legal side of the problem, territorial arrangement, defined theoretical aspects of the problem and discusses the interpretation of their authors. Conclusion is unambiguous such policy is little that brings peoples, except discord, violation of the principles of coexistence difficulties out of the situation. All of this contradicts the civilized organizing the life, the creation of conditions for a comfortable stay on the territory of the country.

Keywords: migration, deportation, experience, Chechens, Ingush, Balkars, Kalmyks, Karachays, rehabilitation, resettlement, indigenization, community, Union of Soviet socialist republics.

Формальное обоснование решения о принудительном переселении чеченцев и ингушей и упразднения Чечено-Ингушской АССР известно – «за пособничество фашистским оккупантам...». Разумеется, что процесс самого принудительного переселения был реальным, и он состоялся в феврале 1944 года. Об этих событиях существует солидная литература, подготовленная историками за последние два года (1, с. 151–155). Однако остается мало исследованным аспект причинно-следственной связи, и нет ответа на вопрос, а верной ли была такая политика. Аналогичная причина выселения предъявлялась руководством и по отношению к другим репрессированным народам, включая балкарцев.

Со времени переселения народов республики прошло 70 лет. Однако причины его трактуются по-разному. Главное в решении этой проблемы должен быть учет той реальной обстановки, которая формировалась в республике накануне Великой Отечественной войны и непосредственно накануне самого переселения. В данном случае огромную роль играет временной фактор.

Около 17–20 тыс. чеченцев и ингушей, а также более 5 тыс. балкарцев было на фронте. По нашему мнению, сюда же следует причислить и 500 чеченцев и ингушей, привлекавшихся к исполнению работ путем включения их в состав рабочих колонн.

Положение горцев в частях Северо-Кавказского военного округа стало совсем неопределенным, когда в округ 9 декабря 1941 г. поступила директива Е.А. Щаденко с перечнем категорий личного состава, подлежащих оставлению в составе рабочих колонн (1). Представителей северокавказских народов среди них не оказалось. Как замечает в связи с этим А. Безугольников, «в штабе округа это умолчание было принято, как указание отчислять их из рабочих колонн, хотя прямого указания об этом не обнаружено. Отныне штаб округа не мог укомплектовывать уроженцами Северного Кавказа ни боевые части, ни запасные, ни даже рабочие подразделения». В такой ситуации местные военные власти действовали по своему усмотрению, отчисляя или оставляя в частях горцев.

17 октября 1942 г. Упразднен Закавказского фронта подготовил «Сведения о количестве военнообязанных запаса и призывников не призываемых в Красную армию национальностей». Кроме греков и эстонцев (наиболее многочисленных), в документе были перечислены литовцы, латыши, финны, немцы, болгары, иранцы, китайцы, румыны, турки, айсоры, курды, а также горцы Северного Кавказа – чеченцы, ингуши, абардинцы, балкарцы и народности Дагестана (1). Горцев призывных возрастов, годных для укомплектования рабочих колонн, числилось не много – 130 человек.

Среди переселенных этнических общностей Северного Кавказа оказались также балкарцы из Кабардино-Балкарской АССР (более 39 тыс. человек). Как поясняется в документах Отдела борьбы с бандитизмом НКВД Кабардино-Балкарской АССР, главной причиной этих мер были «бандпроявления» в районах проживания балкарцев. Уже в декабре 1941 г. поступила из республики информация о действиях 500 человек, занимавшихся нанесением ущерба в тылу, распространением провокационных слухов, деморализовавших население республики (12, л. 30, 131; 9, с. 484). Однако в январе 1942 г. с этими группировками было покончено.

В августе 1942 г. пять районов Кабардино-Балкарской АССР заняли немецкие войска. 24 октября 1942 г. они оккупировали Нальчик. В начале 1943 г. советские воины при активной поддержке партизан освободили Кабардино-Балкарскую АССР и в республике сразу же начались восстановительные работы.

С 1943 г. началась постепенная демобилизация, также проводимая в принудительном порядке: в 1943–1944 гг. это коснулось 700 офицеров и 8234 сержантов и рядового состава из чеченцев и ингушей. Награжденных орденами и медалями было: чеченцев – 2880 человек, ингушей – 1085 чел. Возвратились с фронта инвалидами: чеченцы – 4455 человек, ингуши – 1865, балкарцы – соответственно – 221 и 142 (13, л. 67, 173). Отдельные из них стали Героями Советского Союза

Уже шел 1944 год. Каждый по-своему переживал содеянную властью акцию по принудительному переселению. Она привела в уныние весь балкарский народ, оторванный от своих очагов и родных мест; многие недоумевали. Особенно тяжело переживали эти меры воины-балкарцы. Да это и понятно: они сражались за родину на фронтах, а их семьи в далеком тылу были подвергнуты переселению.

«Я был в составе войск, прорывавших Ленинградскую блокаду, – пишет в своих воспоминаниях ветеран войны, кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени балкарец Магомед Узеирович Созаев, житель пос. Белая речка Кабардино-Балкарской Республики. – Дважды получал ранения, лежал с контузией в военном госпитале. Оттуда написал несколько писем домой. Все они вернулись обратно с пометкой «адресат выбыл». Удивлению моему не было предела... в конце концов, я оказался в Ошской области и там разыскал родных. Из близких мне людей в Средней Азии умерли: отец, дочь, сын, две сестры и их дети» (14, 20).

События эти можно было проанализировать, потому что все они были как бы на поверхности. 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР военным властям предписывалось на территориях, «объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными». Под эту категорию попадали и советские немцы. Юридической

основой для проведения принудительного переселения служили постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. о выселении «неблагонадежных элементов», секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г., а также утверждённое в мае 1941 г. «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников».

Уже в первый день войны – 22 июня 1941 г. – Президиумом Верховного Совета СССР был оглашен Указ «О военном положении». Им же создавалась юридическая основа для действия органов военной власти по очищению районов от элементов, признанных «социально-опасными». С учетом этого, соответствующими органами определялась и формулировка главной причины принудительного переселения. Если же учитывать реалии положения, то они объясняются многими социальными факторами: процессом адаптации чеченского, ингушского и балкарского сообществ, их интеграцией в социалистический социум (это был трудный процесс, сопровождавшийся различными политическими кампаниями, коллективизацией, налаживанием отношений с другими этническими общностями, коренизацией аппарата власти, решением аграрного вопроса и др.).

И, тем не менее, все эти факторы преодолевались в разной степени. По нашему мнению, чеченскому, ингушскому и балкарскому сообществу в ходе проведения кампании по принудительному переселению пришлось испытать и более сложные факторы житейского бытия, например, такие как временный и пространственный, связанные с установлением нового общественного строя в стране, предвоенными условиями жизни в начале 1940-х годов, решением многих аспектов земельного вопроса и др. Способно и готово ли было сообщество к безболезненному решению этих вопросов? Думается, что очень отдаленно.

Вряд ли в столь короткие сроки – со времён революции 1917 г. и Гражданской войны – можно было так быстро изменить национальное сознание и самосознание целой этнической общности. Необходим здесь учет материального положения и уровня образования общности. В чеченской и ингушской средах знание русского языка составляло в среднем 0,84%, среди ингушей – 3%, а среди балкарцев – 0,03% соответственно. В современных условиях вариации оценок этого положения различны. Однако они неадекватны тому периоду состояния этнических общностей.

С учетом экономических трудностей, незавершившейся коренизацией власти, неудовлетворенности степенью реализации лозунгов революции и имевшими место выступлениями против Советов, – все это способствовало недружелюбному отношению центра к этническим общностям. На поверхность вытаскивалась, в основном, общая оценка – «неблагонадежность», но игнорировалась, например, роль чеченского сообщества в ходе завоеваний Советской власти.

Все это не могло не создавать условий для формирования бифуркационного состояния в обществе. И не только в чеченской, ингушской, но в последующем – и балкарской общностях. Отсюда появление бандповстанческого движения, брожение умов, сопротивление против проводимых мер советами и компартией, переходившее даже к открытой форме борьбы с советами, в том числе – накануне принудительного переселения в феврале 1944 года. Этим обусловлено и появление таких отрицательных явлений военной поры, как дезертирство и уклонение от службы в Красной армии. Однако тут же незамедлительно следовали ответные меры (явление ритомсации, то есть необходимость ответного действия) и в первую очередь – в целях защиты устоев Советской власти. Затем проводилась институционализация подобных процессов, и она мало чем отличалась одна от другой в разных регионах страны.

Была ли какая-то оппозиция по принятию подобных решений в высшем политическом руководстве страны? Применительно к этническим общностям, оппозиции, как таковой, в документах, в том числе и в «Особой папке» И. Сталина, не просматривается, хотя такой вопрос возникал. Например, при решении вопроса о выселении этнических общностей на территории северо-запада страны, оставались на слуху робкие протестные заявления руководителей партийных и советских органов власти непосредственно на территории Северного Кавказа. Однако тоталитарная система

в корне не позволяла существование открытой оппозиции в советском обществе.

Что же касается индивидуального уровня, то особенного сопротивления там так же не было заметно. Каждый стремился защитить себя, свою семью и сохранить жизнь. Все эти особенности проявились на территории Чечено-Ингушской республики и в 1990-е годы. Безусловно, решение органов власти о принудительном выселении этнических общностей в 1940-е годы не могло расцениваться по-другому, кроме как противоречащее здравому смыслу. Протесты против такого унижительного положения этнических общностей проявились часто уже после свершившегося принудительного переселения. Зачатки протестного движения появлялись, но они проявлялись, в основном, со стороны чеченской и ингушской элиты, находившейся на службе в Красной армии и в первую очередь – среди офицерского состава.

Последовала нормативно-правовая основа проводимых мер – постановления ГКО, приказы НКВД СССР с обоснованием этих акций. При этом они имели распространение не только применительно к этническим общностям, но и к существовавшим их же гособразованиям. Характер действий со стороны власти был однотипным, отличавшимся лишь небольшими коррективами. Этим мерам служили и принимаемые к чеченцам и ингушам различного рода операции, например, операция с кодовым названием «Чечевица», включавшие такие меры, как полное переселение этнических общностей с целью использования их труда в интересах государства в другом регионе страны.

В исторических исследованиях встречаются утверждения, применительно к чеченцам, ингушам, балкарцам и к общностям, переселяемым в последующем, что руководство партии и государства опиралось в тот момент, якобы, на опыт принудительных переселений советских немцев, карачаевцев и калмыков. Так, Е.Ф. Кринко (8) утверждает, что «первыми принудительному выселению подверглись карачаевцы», в отношении которых 9 октября 1943 г. ...». Он считает, что именно «на карачаевцах отработывался механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся к другим народам Северного Кавказа» (8). Но такое утверждение автора в данном случае не соответствует истинному положению дел. И было бы целесообразно сформировать последовательный ряд фактов принудительного переселения общностей с территории Северного Кавказа на данном этапе – еще до выселения карачаевцев. И тогда вывод автора отпадет сам по себе.

Дело в том, что на Северном Кавказе подобный опыт переселения был известен с начала XX века – ещё со времен Русско-японской войны, когда первыми выселялись с территории Кавказского наместничества японцы, китайцы, корейцы, а затем такие акции проводились там периодически. То же касается и национально-государственного строительства, политики коренизации 1920-х годов и, как пишет автор, «триумфального» выселения в период Великой Отечественной войны северокавказских народов на Восток страны и ликвидацией их национально-государственных образований. Посыл автора, по сути, не совсем точен и не соответствует истинному положению дел. Дело в том, что подобные явления в годы Великой Отечественной войны применительно к Северному Кавказу были лишь логическим продолжением борьбы за Советы после установления там Советской власти. Правда, исполнители этого частично менялись, но суть их политики и действия в этом ключе оставались теми же.

Следующим контингентом были казаки Терского, Кубанского и Донского казачьих войск, кулаки, в том числе и из казаков. В данном случае автор сбрасывает фактор принудительного переселения казачества, как бы не замечая его. А ведь эти акции находили четкое подтверждение принимаемыми постановлениями Реввоенсовета (РВС), указаниями Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микояна и других революционных комиссаров для действовавших в регионе армий. Ни о каких компромиссах речи не было. Была учинена жестокая расправа над казаками, и в первую очередь над казаками-офицерами, с последующим их принудительным переселением в отдаленные места.

Так, 10 августа 1919 г. Г.К. Орджоникидзе выступил на заседании СНК РСФСР с докладом, в котором приводил информацию тенденциозного характера о «привилегированности» казачьего населения на Тереке и Сунже, где извращалось истинное положение дел в станицах Терского казачьего войска. Возможно, что именно под влиянием этого доклада уже весной 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) фактически одобрило варварские акции Орджоникидзе и его соратников по поголовному выселению казачьих общин станиц бывшей Сунженской линии. В этой ситуации методы Орджоникидзе мало, чем отличались от тех, которые предлагались в директиве Яковом Свердловым.

Уже в 1920 г. на эти вопросы обратил внимание проходивший в Москве Первый Всероссийский съезд трудового казачества. В резолюции о задачах казачества, принятой съездом казаков 20 февраля – 6 марта 1920 г., указывалось: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа» (15, л. 3–4). Съезд трудового казачества объявил о «ликвидации казачьего сословия». Войсковые атаманы были изгнаны, станичные переизбраны, для управления организовывались областные и станичные комитеты. Все автономные казачьи области автоматически ликвидировались.

В первой половине 1920-х годов предпринимались попытки принудительного выселения русских и армян с территории современной Республики Адыгея. Затем на очереди были кулаки, а к ним относились и казаки, и представители национальных районов Северного Кавказа. В сентябре 1939 г. Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей, согласно решению Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 года». В Северный Казахстан подлежали выселению 2081 ираноподданный, в том числе: из Туркменской ССР – 952 человек, Азербайджанской ССР – 321, Ростовской обл. – 267, Украинской ССР – 191, Дагестанской АССР – 99, Орджоникидзевского края – 70, Саратовской обл. – 45, Воронежской – 18, Узбекской ССР – 16, Сталинградской обл. – 14, Кабардино-Балкарской АССР – 12, Армянской ССР – 1, Ленинградской обл. – 10, Грузинской ССР – 8, Тамбовской обл. – 8, Ивановской обл. – 6, Орловской обл. – 6, Куйбышевской обл. – 2, Омской обл. – 2, Белорусской ССР – 2, Краснодарского края – 2, Московской обл. – 1 человек. В 1938–1939 гг. было выселено 8 тыс. иранцев (из них 6,3 тыс. человек – из Азербайджанской ССР) (10, с. 98). С территории Северного Кавказа было выселено 448 человек. Они расселялись в Казахской и Киргизской ССР.

Таким образом, еще одна этническая общность – иранцы – оказалась в принудительном порядке переселенной в новые места обитания. Все это делалось, по мнению И. Сталина и союзных органов государственной власти, исключительно в интересах государства с целью развития новых хозяйственных регионов в Средней Азии и Казахстане и для достижения стабильности на южных границах страны.

Юридической основой для проведения подобных принудительных переселений служили постановление СНК СССР от 2 марта 1940 г. о выселении «неблагонадежных элементов», секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г., а также утверждённое в мае 1941 г. «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников». И уже в первый день войны – 22 июня 1941 г. – Президиумом Верховного Совета СССР был оглашен Указ «О военном положении», в котором одновременно создавалась юридическая основа для действия органов военной власти по очищению областей и районов от элементов, признанных «социально-опасными». Под эту категорию попадали и советские немцы.

Более недели спустя (4 июля 1941 г.) на местах получили другую директиву: о том, чтобы проявлять при выселении опасных лиц осторожность и не выселять нетрудоспособных граждан в возрасте старше 60 лет. Конечно, через некоторое время эта директива будет выглядеть несколько кощунственно, так как при принудительном выселении, как правило, возрастные рамки перемещаемых лиц не учитывались. Не случайно, практика того периода такого положения

не знала. В 1941 г. последовали один за другим документы, на основе которых выселялись советские немцы и с других территорий европейской части Союза ССР, в частности, с территории Северного Кавказа. В одном подобном документе мы читаем:

«Постановление Государственного Комитета Оборона

О переселении немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР

Москва, Кремль

21 сентября 1941 г.

№ ГКО-398 сс

Государственный Комитет Оборона Союза ССР постановляет:

1. Переселить немцев из Краснодарского края – 34 287 человек, из Орджоникидзевского края – 95 489 человек, из Тульской области – 3208 человек, из Кабардино-Балкарской АССР – 5327 человек, из Северо-Осетинской АССР – 2929 человек.

2. Руководство переселением возложить на НКВД СССР...».

Всего подлежали переселению: из Краснодарского края – 34 287 чел., из Орджоникидзевского края – 95 489 чел. (по другим источникам – 99 900 чел.), в это число вошли и 50 тыс. чел. немцев из Крымской АССР. С территории Северного Кавказа было переселено 233 521 чел. граждан немецкой национальности, из них в Алма-Атинскую область, например, прибыло 6180 чел., в том числе детей до 16 лет – 1932 чел. Вскоре численность немцев в Алма-Атинской области возросла до 9 тыс. чел., а в Восточно-Казахстанской области уже проживало 22 195 немцев.

Освобождение» областей и районов от «неблагонадежных», в том числе и русских, усилилось непосредственно с началом военных действий на территории СССР. Выселялись так называемые антисоветские, чуждые, сомнительные, государственно-опасные и т.п. элементы. Так, 4 апреля 1942 г. Л. Берия подписал директивное Письмо, в котором управлению НКВД по Краснодарскому краю и г. Керчи указывалось «немедленно приступить к очистке городов Новороссийска, Темрюка, Керчи и населенных пунктов Таманского полуострова, а также города Туапсе от антисоветских, чуждых и сомнительных элементов...». В конце мая 1942 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление, предписывающее «в двухнедельный срок в том же порядке выслать государственно-опасных лиц из Армавира, Майкопа, Кропоткина, Лебединской, Петропавловской, Крымской, Тимашевской, Куцевской, Дефановской и Ростовской областей (Злобненская, Нижнебатайская) и прилежащих к Краснодарскому краю районов Азовского, Батайского, Александровского...». Эти указания были вскоре исполнены. К октябрю 1945 г. на поселении находилось 606 808 бывших кулаков.

В 1943 г. обстановка оставалась напряженной в Ставропольском крае и Карачаевской автономной области. Принимались меры по разложению изнутри имевшихся там повстанческих групп. В 1943 г. были легализованы 870 участников этих групп, 5953 дезертира, 18 наемных пособников, 17 диверсантов и 7238 уклонявшихся от службы в Красной Армии (2, с. 122) 15 апреля 1943 г. НКВД СССР и Прокуратура СССР утвердили директиву, на основе которой в принудительном срочном порядке из пределов Карачаевской автономной области были выселены семьи банд-главарей и активных бандитов. Всего было выселено 110 семей (3) (472 человека). Поэтому вряд ли можно согласиться с выводом упомянутого ранее автора, что «на карачаевцах отрабатывался сам механизм принудительного переселения, впоследствии применявшийся к другим народам Северного Кавказа» (8, с. 20). 12 октября 1943 г. последовали Указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление СНК СССР от 14 октября 1943 г. о выселении карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР.

Юридическим основанием выселения карачаевцев послужило принятое 14 октября 1943 г. постановление Совета Народных Комиссаров «Вопросы НКВД СССР». № 1118-342сс, которым определялись не только граждане, подпадавшие под статус спецпереселенцев, но и

порядок выселения, права и обязанности спецпереселенцев. Из области были депортированы в принудительном порядке 69267 карачаевцев. Ещё 90 карачаевцев были выявлены в соседних со Ставропольским краем областях и также оттуда выселены. Поэтому, и карачаевцы, и немцы (более 450 тыс. чел. – из Республики немцев Поволжья), и калмыки (более 94 тыс. чел.) – это эволюция всего процесса принудительного переселения этнических общностей и групп населения на территории Союза ССР.

Руководство партии, несомненно, было осведомлено о существовании мировой практики принудительных переселений и депортаций населения в целях достижения стабилизации в каждой конкретной обстановке. Это – право государства прибегать в экстремальной обстановке к подобным мерам защиты (ритомсации, то есть необходимости ответных действий), и советское государство проводило это в жизнь. Во всяком случае, принудительные переселения и депортации отдельных групп населения не есть изобретение и порождение социалистической системы. К подобным мерам неоднократно прибегало еще до начала XX века и царское правительство. Следовательно, утверждение Е.Ф. Кринко в данном случае не соответствует действительному положению дел [8].

Было ли сопротивление этим мерам со стороны выселяемых? И можно ли говорить об их организованном сопротивлении? Да, в различных конкретных случаях имелись протесты, которые носили характер и групповых, и индивидуальных выступлений. Это было главным образом характерно для начального этапа принудительного переселения. Однако любое несогласие с позицией партии в данном вопросе тут же каралось, вплоть до применения вооруженной силы, как поясняется в материалах и документах того времени. И это обуславливалось чрезвычайным характером самого военного времени.

Массового организованного сопротивления депортации тогда не существовало. А что касается отдельных очагов сопротивления со стороны граждан против действий правительства по насильственной их депортации в условиях войны, то примером подобного, носившим более или менее организованный характер, является выступление, которое возглавил адвокат Х. Исраилов-Терлоев, автор «Временной программы организации чечено-ингушской Объединенной партии кавказских братьев». Оно отличалось бунтарским характером. И даже после выселения чеченцев и ингушей Терлоев заявлял, что выступления против режима советской власти резко возросли. Но подобные очаги сопротивления тогда уже не представляли непреодолимой и особой угрозы для самой власти. Протестные действия, как правило, проявлялись тогда уже после состоявшегося принудительного выселения этнических общностей. Это выражалось, например, и в такой форме, как побеги депортированных с мест их нового поселения. Если судить по имеющимся документам и материалам, то в числе выселяемых сообществ были и те, кто нес службу на стороне органов власти НКВД СССР, в том числе и из представителей ислама.

Земельные территории, освобожденные от выселяемых людей, не пустовали. Уже в 1944 г. начали пребывать на территорию проживания чеченцев и ингушей переселенцы из областей РСФСР. Они расселялись в сформированной Грозненской области. На основе постановления (№ 54) СНК СССР, принятого 8 января 1945 г., из Брянской, Вологодской, Ивановской, Калужской и Кировской областей РСФСР должны были прибыть в Грозненскую область 2000 колхозных хозяйств. Председатели облисполкомов обязаны были до 15 марта 1945 г. «обеспечить отбор и отправку семей колхозников-переселенцев». Наряду с уже установленным комплексом льгот, особым пунктом предписывалось Грозненскому областному совету депутатов трудящихся (председатель Старчак):

«а) передать освобожденные земли с имеющимися посевами и насаждениями вновь организуемым колхозам из переселенцев и закрепить указанные земли за колхозами на вечное пользование;

б) передать колхозникам-переселенцам в постоянное пользование дома с имеющимися

надворными постройками и приусадебными участками» (9, с. 478–479).

Этим самым предусматривалась возможность снизить остроту решения продовольственной проблемы переселенцев, упорядочить землепользование в области. В Грозненскую административную область переселилось по плановым заданиям из разных областей РСФСР, Украинской ССР, Молдавской ССР и Армянской ССР 78,5 тыс. представителей разных национальностей (17, л. 103), которые и составили на территории области этнические меньшинства. В целом же число переселенных составило 2010 хозяйств (10, с. 98).

В период с апреля 1944 г. по апрель 1945 г. переселение в Грозненскую область принимало активный характер: из Ставропольского края было переселено 5472 семьи, в основном это было русское население; из Кизлярского округа – 2119 семей, из района Грозного – 2659 семей, из других регионов Союза ССР – 967 семей, – всего 11 217 семей. Из трех областей РСФСР прибыла 2181 семья. Переселение продолжалось и в последующем, и к концу 1945 г. количество переселенцев составило 13 885 колхозных семей. Отток за этот же период составил 1826 семей (10, с. 103).

За колхозами было закреплено на январь 1945 г. – 154 371 га, на январь 1948 г. – 182 233 га, в том числе пахотной земли – 79 489 га (1945 г.) и 90 797 (1948 г.) (18, л. 1–18). Таким образом, была создана экономическая база для налаживания сельхозпроизводства в области. Одновременно органами партийной и советской власти проводилась объемная организационно-пропагандистская работа.

Во второй половине 1940-х годов в Грозненскую область была переселена 6151 семья (25 001 чел.), трудоспособных – 14 017 чел., закрепились 4074 семьи (66,2%), в том числе в колхозах – 3443 семьи. На январь 1951 г. в области имелось 33 тыс. дворов колхозников, из них 11 тыс. семей переселенцев 1944–1945 гг. и 3443 семей – переселенцев послевоенных лет. В составе колхозного населения имелось более 14 тыс. семей переселенцев (42,0%). Одновременно с заселением прибывших в различные районы области, осуществлялось и землеустройство отведенных приусадебных участков. По данным Грозненского облисполкома, в 1947 г. за всеми переселенческими колхозами были закреплены как общественные, так и приусадебные земли «с выдачей государственных актов на вечное пользование». Всего в области было на 1948 г. 72 колхоза – 12 675 хозяйств, 29 568 чел., трудоспособных – 9553 человека.

Некоторые территории бывшей Чечено-Ингушской АССР были заселены жителями из горных районов Северной и Южной Осетии. Они были дополнены частично и осетинами, проживавшими на территории Казбегского района Грузинской ССР. На это время в бывших чечено-ингушских районах уже имелись 20 МТС, 123 колхоза и 111 совхозов с посевной площадью 350,9 тыс. га земли. поголовье крупного рогатого скота составляло более 160 тыс., а овец – 509 тыс. голов (4, с. 172–175). Одним словом, постепенно создавалась экономическая база для развития новой системы хозяйствования, обеспеченная достаточным земельным фондом и пополнявшаяся новой производительной силой. Однако в перспективе, с учетом возвращения спецпереселенцев в последующем, итоги проводимых мер сводились к нулю.

Несколько иначе протекали эти процессы на территории бывшей Кабардино-Балкарской области. С выселением карачаевцев в конце 1943 г. с территории Карачаевской автономной области и балкарцев в марте 1944 г., часть территории проживания балкарцев и карачаевцев по воле И. Сталина и Л. Берии передавалась соседям сванам Грузинской ССР с целью её хозяйственного освоения. Так Сванетия прирастала территориально. Конечно, для сванов такой неожиданный поворот дел был на руку, ведь они могли улучшить свое положение. Сваны расселялись в таких населенных балкарских селениях, как Эльбрус, Тегенекли, Терскол, Былым, Герхожал, Камук, Челмас и другие. Как вспоминает преподаватель истории г. Тырныауз Тримова Аминат Азизовна, «сваны расселялись также в селе Баидаевка, где до выселения проживал балкарский род Баидаевых». Сванами были заняты и селения, где ранее проживали такие роды

балкарцев, как Этезовых, Тилловых и других родов.

На базе существовавшего балкарского колхоза «Красный Эльбрус» (1944 г.), в котором трудились до переселения 362 балкарских семьи (1260 человек), был образован колхоз им. Ш. Руставели (19). В его распоряжение передавались: пашни – 133 га, сенокосов – 415 га, выпасов – 300 га. А.Д. Койчуев и Р.С. Тебуев замечают, что этими колхозами были захвачены и часть прилегающих кабардинских земель, о чем поступали жалобы в обком партии Кабардинской АССР. Однако неоднократные обращения о возврате земель не увенчались успехом (7, с. 84). Остальная земля находилась в распоряжении Госземфонда (19, л. 80–81). В колхозе им. Ш. Руставели трудилось 600 «грузин», но, скорее всего, это были сваны и лехчумцы (19, л. 86). Уже в январе 1956 г. в этот колхоз прибыло 120 балкарцев (19, л. 91). В последующем в колхоз им. Ш. Руставели было подселено 200 балкарцев, и общее население составило 800 человек (19, л. 86).

Разумеется, сванам переходили в собственность и усадьбы балкарцев. При этом, как вспоминает А. Трамова, «сваны очень бережно относились к оставленному хозяйству балкарцев и их брошенными в спешке во время принудительного переселения домашним вещам». Известны были множество случаев, когда с прибытием балкарцев на прежнее место жительства со спецпереселения, многие из сванов сразу же возвратились в Грузию, на прежнее место своего проживания, передав содержимое хозяйств балкарцам. Именно благодаря этому удалось сохранить в течение 13 лет, по мнению А. Травовой, образцы изготовления балкарцами ковров, как памятника культурного наследия балкарского народа. Не были утеряны навыки и тонкости ковроткачества. Более того, многие предметы домашней утвари балкарцев, сохраненные сванами, стали достоянием местных музеев (г. Тырныауз и др.). Именно на такой доброй почве строилось взаимопонимание этнических общностей в это трудное время.

Отмечаются в воспоминаниях и случаи, когда балкарцам и сванам приходилось длительное время проживать в одном хозяйстве, т.е. в домах, принадлежавших балкарцам до их выселения принудительным порядком. Такой была реальность тех времен. Наряду с занятостью в сфере животноводства, сваны привлекались и для работ в шахтах, где они трудились на добыче вольфрама и молибдена, – и не только горцы, но и немецкие военнопленные (шахтеры и строители камнедробильного цеха). В последующем – во второй половине 1950-х годов – сваны возвратятся в Грузинскую ССР. Их территория прежнего расселения будет возвращена и войдет в состав Кабардино-Балкарской АССР.

Последующие 13 лет чеченцы, ингуши и балкарцы, как и другие спецпереселенцы с территории Кавказа, а также калмыки, будут находиться на спецпереселении, подчиняясь особому режиму проживания. В связи с этим представляет интерес их правовое положение и взаимоотношения между переселенцами и местными жителями. Правовые отношения регламентировались инструкциями НКВД – НКГБ СССР, постановлениями ГКО и положением от 8 января 1945 г. «О спецкомендатуре», а также другими инструкциями. Широкое распространение имела обязательность отметки спецпереселенцев в комендатуре.

В плане изучения эволюции правовых отношений ценное значение имеет исследование профессора Ларисы Белковец (5), которая полагает, что ни о каком геноциде со стороны государственной власти в отношении спецпереселенцев говорить нет основания. Они были вовлечены постепенно в общественно-политическую жизнь региона, республики, района и т.д., участвовали и в выборах в Верховный Совет СССР, а права их определялись порядком военного времени. Кстати, вопрос этот пока слабо изучен в историко-правовой литературе, отсюда наблюдается разброд в формулировке общих установок данной проблемы. Хотя официальные документы 1930–1950-х годов не подтверждают надуманные изыски.

Так, например, непонятно утверждение Л. Дьяченко в диссертации (2013 г.) (6) о том, почему Киргизская ССР – составная часть Союза ССР, на пространстве которой действовали те

же самые законы и где проживали чеченцы, ингуши и представители других этнических общностей, – стала заложницей и проводником «депортационной политики» центра (определение Л. Дьяченко). Каким же образом это утверждение сочетается с выводами автора? В одном случае, этим автором отмечается корпоративность и замкнутость сознания переселенцев, а с другой – превозносится уровень их «толерантности» (понятие, не соответствующее той эпохе). С одной стороны, Киргизская ССР «страдала от наплыва населения (на апрель 1949 г. – 26 741 чел), а с другой – испытывала нехватку производительных сил (аналогичными являются и утверждения автора применительно к переселенцам Северного Кавказа).

При этом, наверное, надо учитывать и те средства, которые направлялись центром для переселенцев (см.: Ким Г. Избранные труды по корееведению. Алматы, 2013, и др.). В Киргизии имелись десятки заведенных прокуратурой уголовных дел об использовании этих средств не по назначению. Нет у автора сбалансированной подачи материала и соответствующих выводов. Вероятно, сказалась слабая проработка диссертантом имеющихся материалов и архивов. Автор, как правило, привлекает для аргументации первые же попавшиеся ей на глаза статистические данные, а не итоговые показатели, раскрывающие суть того или иного процесса. Складывается также впечатление, что автор не знакома с документами архива Прокуратуры СССР и данной союзной республики. Известно, что, как правило, все меры переселения, обустройства и поставок оговаривались центром с правительствами союзных республик. Естественно, права спецпереселенцев носили ограниченный характер, однако, после смерти И. Сталина ослабление их стало более обширным. Большую роль играло и стремление масс по ослаблению трудностей режима проживания и переселению к прежним местам жительства.

Какими были основные социальные последствия переселения для принудительно выселенных граждан Союза ССР, в частности чеченцев, ингушей и балкарцев? Констатировать в обобщающей форме о социальных последствиях принудительных переселений вряд ли правильно. Они также разделены по этапам. На первом этапе естественны трудности адаптации и интеграции, преодоление таких симптомов, как временность и пространство, которые относятся к самым тяжелым факторам житейского бытия. Отсутствие возможностей для быстрого налаживания собственного хозяйства, трудоустройства, вовлечения в производственный процесс тех регионов, куда переселялись этнические общности, в частности чеченцы, ингуши и балкарцы. Затруднения возникали и в наделении земельными участками, которые в значительной мере были подспорьем для выживания спецпереселенцев и их семей.

Последующий этап был напрямую связан с увеличением послаблений в режиме проживания спецпереселенцев, в их обустройстве, при работе в колхозах, совхозах, на стройках, шахтах, в стремлении к получению школьного и высшего образования детьми и взрослым населением, а также роли в общественно-политической жизни государства. Хотя и здесь имелись негативные процессы. Это особенно было связано с проводимыми поставками центра по созданию условий проживания семей переселенцев. При этом многое разворачивалось, использовалось не по назначению или предоставлялось по остаточному принципу. Правда, авторы в своих трудах стараются нивелировать эти процессы, представляя нам только светлую сторону жизни, что не совсем правильно, так как не все так гладко протекало в жизни спецпереселенцев. Это, однако, вовсе не свидетельствует о том, что не устанавливались дружественные отношения спецпереселенцев с местным населением, и не достигалось взаимопонимание в межэтнических отношениях. Имели распространение и случаи, когда дети спецпереселенцев проживали в казахских и киргизских семьях. В этом была большая помощь прибывшим семьям и облегчение их жизни на спецпоселении. По нашему мнению, освещение подобных процессов должно быть достоверным и сбалансированным.

Смогло ли наше государство в дальнейшем в полной мере реабилитировать народы, отправленные в другие регионы страны путем принудительного переселения? Процесс прину-

длительных переселений и реабилитации – это явления органичные. Реабилитация включала в себя и ослабление режима проживания, спустя некоторое время, и другие акции правового порядка. Вопрос о реабилитации никогда не сходил с повестки дня. В этом отношении ведущая роль отводилась интеллигенции. В данном случае не была исключением и чеченская, и ингушская, и балкарская интеллигенция. Так, например, балкарский поэт Кязим Мечиев 8 марта 1944 г. принудительно переселялся из села Кичмалка в Казахстан. Вначале он вместе с другими спецпереселенцами прибыл в г. Нальчик на сборный пункт. Как вспоминают спецпереселенцы-балкарцы, находясь в поезде, Кязим Мечиев обращался к своим соплеменникам и просил их «крепиться, не теряя себя, поддерживать и помогать друг другу». Он считал, что «рано или поздно с Божьей помощью правда восторжествует» (14, с. 47).

Число обращений в различные госинстанции писателей, поэтов, общественных деятелей, бывших партийных функционеров и представителей органов советской власти год от года возрастало. По нашему мнению, это было определяющим фактором и сыграло заметную роль в дальнейшей судьбе переселённых народов. Архивные документы содержат многочисленные обращения чеченцев, ингушей и балкарцев в высшие органы партийной и государственной власти и ответы на подобные обращения. Что касается Н.С. Хрущева, то ему выпала судьба стать разоблачителем тех злоупотреблений с народами, которые имели место в первой половине XX века в Союзе ССР. Он сам был участником этих процессов и занимался их реализацией на территории Украины. Принудительным способом были отправлены на поселение более 550 тыс. граждан, включая и более 192 тыс. русских.

Поток обращений возрастал. И ЦК КПСС, и Союзное правительство вынуждены были реагировать на эти обращения граждан. Принимались разные меры в этой связи, вплоть до создания автономии для чеченцев, немцев на территории Казахстана. Несомненно, ситуация резко изменилась после смерти И. Сталина. Но смогло ли государство реабилитировать перемещённых граждан в полной мере? По нашему мнению, применительно к народам Северного Кавказа и калмыкам, – да. Если и была необходимость принятия известного Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», то он должен был иметь распространение на советских немцев, корейцев, поляков, крымских татар, ингерманландцев, греков, болгар и других народов, не реабилитированных в конце 1950-х годов. Но, к сожалению, этого не случилось. Более того, и в ходе перестройки в жизни общества возникали различные территориальные конфликты – по причине нерешённости многих проблем, порождённых периодом принудительных переселений, – в первую очередь, в Пригородном районе Республики Северная Осетия-Алания.

В 2015 г. исполнится 20 лет со дня объявления моратория на территориальные изменения, которые были проведены в ходе принудительных переселений народов, включая чеченцев и ингушей. Это означает, что в данном вопросе, как особо «наболевшем», должно сохраняться состояние статус-кво. Этот вопрос прорабатывался не только в Российской Федерации, но и в зарубежных организациях, в частности в ООН, призванных регулировать подобные процессы. Он обстоятельно обсуждался и в Международном комитете по исследованию и обмену (АЙРЕКС).

По нашему мнению, имеющиеся претензии о невнимании к этому вопросу не только категоричны, но и безосновательны. Дело в том, что под руководством заместителя министра по делам национальностей правительства Российской Федерации В.А. Михайлова в феврале–марте 1994 г. была направлена группа ученых и специалистов министерства на семинар, проходивший под эгидой Международного комитета по исследованию и обмену (АЙРЕКС). Семинар функционирует в Зальцбурге уже с 1947 г. и в этом плане располагает большим опытом. Состоялись несколько заседаний с рассмотрением проблем национальных отношений, в работе которых приняли участие ведущие консультанты Комитета по правам человека ООН, профессор Асбьёрн Эйде (Норвегия) и профессор Тафтского университета Хёрст Хеннем (США).

Один из семинаров специально посвящался рассмотрению вопроса о территориальной реабилитации по ситуации конфликта между осетинами и ингушской частью населения Республики Северная Осетия.

В отношении вопроса о юридическом праве Республики Ингушетия на Пригородный район констатировалось, что в данном случае Республика Ингушетия (образованная в 1993 г.) не может быть субъектом права, выдвигающим подобное требование, т.к. она в 1940-е годы не существовала как отдельное автономное образование. Данный вопрос может решаться только участниками сторон, т.е. Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР, которые были задействованы в 1940–1950-х годах в этих процессах.

О том, насколько сложной была рассматриваемая проблема, свидетельствует и сам факт объявления на государственном уровне моратория на действие статей закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», касающихся территориальной реабилитации. Именно министерство по делам национальностей правительства Российской Федерации приложило в той непростой обстановке большие усилия к тому, чтобы решить этот сложный вопрос на условиях консенсуса, поставив в его основу совместное проживание этнических общностей ингушей и осетин на территории обеих республик. Очевидно, что решение подобных вопросов должно опираться, прежде всего, на положения Конституции Российской Федерации.

Прошло уже более 20 лет со дня принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», что упростило изложение многих вопросов рассматриваемой ранее запретной проблемы. Появилась литература, связанная с отношениями по вектору «народы и власть» и касающаяся очень тонкой нити человеческих отношений – отношений межэтнических. В связи с этим, можно согласиться в определенной мере с оценкой проводимых в 1940-е годы партией и государством мер, изложенной, к примеру, исследователями С.А. Хубуловой и У.Ш. Тедеевой. Она сводится к тому, что «этот акт переселения заложил основу нового межэтнического конфликта, который медленно тлел с 1957 года – года реабилитации депортированных кавказских народов – и разгорелся в пожар на исходе XX века» (11, с. 158).

Многие стороны этих сложных социальных процессов ныне уже рассмотрены и озвучены. И нельзя утверждать, что над этой темой в 1990–2014 годы довлела некая «зона умолчания». В связи с 70-летием сложных событий в жизни чеченцев, ингушей, балкарцев и других принудительно переселенных этнических общностей, имеются все основания для вывода о том, чтобы никогда впредь не возникало подобных ситуаций, и чтобы народы могли отстраивать свою жизнь и решать проблемные вопросы вполне цивилизованно.

Список литературы:

1. Безугольный А.Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, В.Е. Кринко. М., 2012.
2. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. М., 1998.
3. Бугай Н.Ф. Судьбы иранцев – граждан СССР // Обозреватель. М., 1994. № 14.
4. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. Ростов-на-Дону, 1997.
5. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении, 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.
6. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана: (проблемы адаптации и реабилитации): автореф. дис... д-ра ист. наук. Бишкек, 2013.
7. Койчуев А.Д. Карачаевский народ в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.Д. Койчуев, Р.С. Тебуев // Вклад репрессированных народов в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста, 2010. Т. 1.
8. Кринко Е.Ф. Депортация народов и административно-территориальные преобразова-

ния на Северном Кавказе в 1943–1944 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3.

9. «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. 896 с.
10. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994.
11. Хубулова С.А. Осетия в политических коллизиях. XX – начало XXI вв. / С.А. Хубулова, У.Ш. Тедеева // Национальное строительство на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика: материалы «круглого стола». Ростов-на-Дону.
12. ГАРФ. Ф. Р. – 9478, оп. 1., д. 41, л. 30, 131
13. ГАРФ. Ф. Р. – 9479. Оп. 1. Д. 896, л. 67, 173.
14. Балкария. Депортация. Вып. 1: Свидетельствуют очевидцы / сост. М.А. Котлярова, В.Н. Котляров. Нальчик, 2004.
15. ГАРФ. Ф. Р. – 1235. Оп. 84. Д. 2, л. 3–4.
16. Клуб сотрудников полиции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://police-club.ru/index.php?s=9be82ccd724f9c7ed0911ca4b957dda3&showtopic=6672&st=255>.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56, л. 103.
18. ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 618, л. 1–18.
19. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 153, л. 86. Записка Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета Министров Кабардинской АССР в ЦК КПСС о численности населения и размере земельных площадей балкарцев на 1 января 1944 г. и предложения по организации возвращения балкарцев в республику. 16 июня 1956 года.
20. Балкарский форум (Нальчик). 4–8 марта 1991.